

очищенную от сомнительных положений. Но первая редакция оставалась в обращении, и комиссия под председательством Эрве из Неделека осудила 91-ю статью из этого произведения. Дюран написал в свою защиту «Оправдания» («Excusationes»), на что Эрве ответил документом «Отвержение оправданий Дюрана» («Reprobationes excusationum Durandi»); он упорно продолжал борьбу с Дюраном, нападая на «Quodlibet», который Дюран защищал на диспуте в Авиньоне в Рождественский пост 1314 г. Ни одно из его оправданий и извинений не было сочтено удовлетворительным, и Генеральный капитул Ордена, собравшийся в 1316 г. в Монпелье, потребовал, чтобы он действительно исправил свои ошибки. Для этого Петр из Палюды и Иоанн Неаполитанский** составили список из 235 вопросов, по которым Дюран имел расхождение со св. Фомой. Однако при подготовке третьей редакции своего «Комментария» (между 1317 и 1327) Дюран, наоборот, отчасти вернулся на свои прежние позиции, от которых в душе он никогда не отказывался. Неоднократно испытав на себе цензуру, он получил утешение, когда позднее (в 1326 г.) в качестве епископа Мо вошел в состав ко-

миссии, осудившей 51 утверждение «Комментария к Сентенциям» Уильяма Оккама. Но он снова стал самим собой в 1333 г., когда еще одна комиссия, на этот раз папская, обсуждала его трактат «О видении Бога» («De visione Dei») — о видении Бога душами святых перед Страшным судом. Это был независимый ум, озабоченный свободой философии. Дюран считал: во всем, что не является предметом веры, надлежит более опираться на разум, нежели на авторитет любого, пусть самого знаменитого и высокочтимого учителя. Не стоит обращать внимания на человеческий авторитет, когда он противоречит тому, что очевидно для разума: «et parvipendatur omnis humana auctoritas, quando per rationem elucescit contraria veritas»***. Когда умирает человек, руководствующийся таким принципом и не сразу соглашающийся с официальным учителем своего ордена, его оплакивают далеко не все. Поэтому и появилась игривая эпитафия, которую, как говорят, предлагали поместить на могиле епископа Мо: «Здесь под твердой плитой покоится твердый Твердель****. Может ли быть он спасен? Я не знаю и о том не забочусь»:

Durus Durandus jacet hie sub marmore duro, An sit salvandus ego nescio, nee quoque euro.

Одна из философских проблем, относительно которых — на это всегда можно надеяться — высказывался теолог, — это проблема природы отношения и его связи с входящим в это отношение бытием. Ее изучения требует теологическая проблема отношений между Божественными Лицами внутри Троицы. Генрих Гентский***** после некоторых колебаний решил эту проблему с помощью своей теории трех модусов бытия. Бытие, реальное или возможное, может быть только либо самим по себе (субстанция), либо в другом (акциденция), либо существующим в отношении с другим (отношение): «aut in se, aut in alio, aut ad aliud», то есть «in se sistendo, in alio inhaerendo, ad aliud

473

2. От Якоба из Меца до Гвидо Террени

inclinando)*. Само выражение, которым пользуется Генрих Гентский для характеристики отношения, позволяет увидеть, что он понимает его как своего рода внутреннюю тенденцию одного бытия соотноситься с другим: «ad aliud inclinando». Вот почему бытие отношения сводится, по его мнению, к бытию либо субстанции, либо акциденции. Для Генриха Гентского отношение — в том, что есть в нем от реального бытия, — всегда либо субстанция, либо акциденция, взятые в их стремлении к другому бытию. Поскольку единственные реальные акциденции — это количество и качество, то отношение включает